

Гу Яньлин был по-настоящему напуган теми словами, что произнес Сяо Синхань.

Два дня кряду он не решался даже приблизиться к нему. Сяо Синхань, впрочем, ничего не говорил, лишь каждый вечер заходил, чтобы оставить ему пилюли, отчего у Гу Яньлина всё сильнее крепло ощущение, будто его дни сочтены.

- Юаньбао, почему ты выглядишь таким потерянным?

Услышав голос, Гу Яньлин поднял голову и, увидев перед собой Чан Фэна, осознал, что не встречал его уже несколько дней.

- Старший брат Чан Фэн, чем ты был занят в последнее время?

Чан Фэн ответил:

- Молодой господин велел мне разузнать кое-что.

Гу Яньлин тут же загорелся любопытством. Он поспешно утянул его в беседку неподалеку и, усадив, принялся с жадностью расспрашивать:

- Что именно? Что он велел тебе разузнать?

Чан Фэн не пожелал вдаваться в подробности:

- Лучше не расспрашивай. О чем ты только что думал с таким скорбным лицом?

Гу Яньлин с досадой хлопнул его по плечу:

- Как ты можешь быть таким? Сам не даешь расспрашивать, но при этом намекаешь! Раззадорил моё любопытство, а теперь молчишь! Ну правда, никакой радости от тебя не дождешься!

Видя, что тот капризничает, Чан Фэн поднял обе руки, сдаваясь:

- Ладно, ладно, так и быть, расскажу. Молодой господин велел мне тайно разузнать о том самом главаре бандитов, которого ты видел в игорном доме.

Гу Яньлин тут же выпрямился:

- Правда? Он действительно велел тебе разузнать об этом?

Чан Фэн взглянул на него:

- Раз уж ты так переживал, что спозаранку помчался в игорный дом, мог ли молодой господин не отправить меня на разведку?

Этих слов почти хватило, чтобы прямо сказать: «Всё это ради тебя».

Гу Яньлин, конечно, уловил скрытый смысл. Он подпер лицо ладонями, и его глаза сошлись в радостные полумесяцы:

- Правда? Молодой господин действительно разузнал об этом ради меня?

Чан Фэн кивнул:

- Если бы не ты, стал бы молодой господин заниматься подобными пустяками.

Гу Яньлин, который в душе два дня клял Сяо Синханя, услышав такое, был готов расцеловать его и больше не собирался ругать. Он с надеждой спросил:

- И что же ты узнал? Скажу тебе, я два дня назад ходил в чайную и кое-что выведал.

Чан Фэн встретился с ним взглядом:

- Тот игорный дом принадлежит младшему брату жены префекта, а бандит раньше работал там вышибалой.

Гу Яньлин чуть не подпрыгнул от возбуждения:

- Старший брат Чан Фэн, ты и правда мастер! Как тебе удалось это разузнать? Я узнал то же самое. Я ведь говорил, что в тот день точно видел, как ты проходил мимо, а они, передав весточку, снова упрятали его в тюрьму!

Чан Фэн сказал:

- Разузнать об этом было несложно. Этот младший брат жены префекта ведет себя слишком

вызывающе, даже не пытаясь скрываться.

Если бы префект не опасался Его Высочества, он, даже не зная истинной личности наследного принца и принимая его за столичного чиновника с тайной инспекцией, всё равно вел бы себя осторожнее.

Гу Яньлин не стал показывать слишком многого и невозмутимо заметил:

- Верно, кто же посмеет связываться с ним, ведь он младший брат жены самого префекта! В нашем городе Янчжоу никто не смеет ему перечить. Говорят, он ведет себя крайне деспотично. Взять хотя бы тот игорный дом: до его появления в городе было несколько таких заведений, а как только он открыл свое, остальным пришлось закрыться, теперь они только втихую деньги в долг дают.

Чан Фэн, разумеется, тоже всё выяснил. Подобная ситуация была обычным делом: небо высоко, император далеко, и до таких отдаленных мест государству дела нет.

Гу Яньлин осторожно поинтересовался:

- И как же молодой господин собирается поступить с этим делом?

Чан Фэн ответил:

- Они опасаются молодого господина, так что в ближайшее время вряд ли выпустят того человека. К тому же прямых доказательств нет, и когда придет время, они просто скажут, что ничего не знали, и выйдут сухими из воды.

Гу Яньлин и сам догадывался, что так и будет. Он вздохнул:

- Неужели всё так и останется?

Чан Фэн сказал:

- Пока что только так. В конце концов, формально управляющий игорным домом - не младший брат жены префекта. К тому же они даже закрыли заведение и ищут новых вышибал, видимо, хотят откреститься от той банды.

Гу Яньлин не мог скрыть разочарования и снова тяжело вздохнул.

Чан Фэн похлопал его по плечу, утешая:

- Хватит вздыхать. По крайней мере, ты должен радоваться: молодой господин дорожит тобой.

Гу Яньлин кивнул, и на душе у него снова стало радостно. Раз Сяо Синхань готов разузнавать такие вещи ради него, даже когда он сам еще ничего не просил, значит, его усилия в последнее время не были напрасны. Стоит ему как следует ублажить «большую птицу» Сяо Синханя, и тот станет еще внимательнее!

Бояться нечего!

Какая разница, клюет ли этот клюв снаружи или проникает внутрь!

Ха-ха, хотя разница всё же есть: если он проберется внутрь целиком, это же смерти подобно! Ох-ох...

Заметив, что Гу Яньлин снова витает в облаках, то разглаживая, то хмуря брови, Чан Фэн удивленно спросил:

- О чем ты думаешь? Еще в коридоре я заметил, что ты сам не свой.

Гу Яньлин смутился, но больше ему не с кем было поделиться, а Чан Фэн, хоть и был человеком Сяо Синханя, всегда относился к нему хорошо.

- Старший брат Чан Фэн, ты... ты знаешь, как мужчины занимаются этим делом?

Чан Фэн, не ожидавший такого вопроса, чуть не поперхнулся слюной. Его выражение лица на мгновение стало неестественным, и он невнятно пробормотал:

- Кое-что знаю.

Гу Яньлин пожаловался:

- Вот именно. У молодого господина там всё довольно внушительно и грозно, я просто слишком боюсь, вот и веду себя так.

Чан Фэн: - ...

Гу Яньлин пробормотал:

- Он и правда такой огромный, был бы хоть немного поменьше, я бы не страдал так. Я эти два дня буквально ни спать, ни есть не могу.

Главное, дело не только в этом. Боевая мощь той «птицы»... он испытал её на себе и руками, и ногами, и ступнями. Она поистине ужасающая, свирепая и невероятно неугомонная.

Чан Фэну стало крайне неловко, и он не знал, как утешить собеседника.

Гу Яньлин всё больше расстраивался, и его боевой дух, вспыхнувший было на мгновение, снова угас.

Видя, что тот до смерти напуган, Чан Фэн невольно проникся сочувствием. Помолчав, он спросил:

- Ты говорил об этом молодому господину?

Гу Яньлин повысил голос:

- Какой толк говорить!

Заметив, что вокруг никого нет, он добавил шепотом:

- Ты не смотри, что молодой господин на людях такой благопристойный и серьезный, на самом деле он невероятно озабоченный!

Чан Фэн строго заметил:

- Юаньбао, нельзя говорить такие вещи. Негоже судачить о господине за его спиной.

Гу Яньлин ничуть не испугался и лишь фыркнул в ответ:

- Я говорю чистую правду, он просто притворяется!

Наследный принц всё же был господином Чан Фэна, поэтому тот не мог открыто обсуждать его за спиной, но всё же попытался терпеливо утешить юношу:

- Если боишься, можешь спокойно поговорить с молодым господином. Вы так близки, что он не

мог не заметить твоих чувств. Раз вы до сих пор не перешли к делу, значит, он тоже бережет тебя. На всё найдется способ.

Гу Яньлин не стал признаваться, что уже несколько дней тайно подмешивает в еду лекарство, и просто кивнул:

- Ничего, раз уж я стал наложником, не могу же я перестать прислуживать только из-за страха. От судьбы не уйдешь.

Чан Фэн: - ...

Гу Яньлин поднялся с места:

- Старший брат Чан Фэн, когда я шил ароматические мешочки для молодого господина, я подумал, что твой уже совсем выдохся, и сделал один для тебя. Пойдем, заберешь его.

Чан Фэн встал следом:

- Благодарю за заботу.

Гу Яньлин весело отозвался:

- Да пустяки!

Чан Фэн проследовал за Гу Яньлином до западного флигеля, но остался стоять снаружи, не решаясь войти внутрь. Гу Яньлин вынес мешочек и протянул его:

- Старший брат Чан Фэн, держи.

Попугай, сидевший у входа, тут же начал хлопать крыльями и, в точности передразнивая Гу Яньлина, прокричал на весь двор:

- Старший брат Чан Фэн, держи! Старший брат Чан Фэн, держи!

Гу Яньлин сердито пригрозил ему пальцем:

- Заткнись! Еще раз вякнешь - велю свернуть тебе шею.

Попугай, который в этом смысле явно пошел в своего хозяина, оказался на редкость трусливой птицей: он тут же умолк и поспешно спрятал голову под крыло, притворяясь мертвым.

Чан Фэн невольно рассмеялся:

- Этот попугай такой умный, просто прелесть.

Гу Яньлин недовольно ответил:

- Какая там прелесть! Болтлив донельзя и ужасно шумный. Я хотел подарить его молодому господину, чтобы тот не скучал, но он решил, что птица слишком крикливая, так что пришлось оставить её себе.

Чан Фэн не стал спорить и, не задерживаясь, попрощался:

- У меня еще есть дела, поговорим позже.

В руках у Гу Яньлина остался флакон с успокаивающим маслом:

- Иди, а я пойду к молодому господину.

Сяо Синхань каждый день проводил время либо в переднем зале, либо в кабинете.

Гу Яньлин не стал расспрашивать слуг. Увидев, что в переднем зале никого нет, он свернул к кабинету. Дверь была приоткрыта. Ли Юфу, увидев его, мгновенно сообразил, что к чему, и, покорно отступив, вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Сяо Синхань читал книгу и, зная, что вошел именно этот человек, даже не поднял глаз. Гу Яньлин тоже промолчал. Открыв стеклянный флакон, он нанес несколько капель масла на кончики пальцев и, бесшумно подойдя к Сяо Синханю со спины, начал мягко массировать ему виски.

Обычно Гу Яньлин был суетлив, при массаже часто ленился или капризничал, редко проявляя такую искреннюю нежность и заботу. Сяо Синхань помедлил мгновение и отложил книгу в сторону.

Гу Яньлин помассировал его еще немного, а затем отошел, чтобы вымыть руки:

- Ну как?

Сяо Синхань резким движением притянул его к себе:

- Почему снова осмелился прийти?

Последние два дня Гу Яньлин действительно всеми силами избегал его.

Он, конечно, в этом не признался:

- Я эти два дня готовил для тебя это успокаивающее масло. Его очень трудно варить: из такого огромного количества специй и трав получается всего один маленький флакон. Как же из твоих уст вышло, что я «не осмелился прийти»?

Сяо Синхань, услышав, как тот ловко перекидывает вину на него, в ответ ущипнул его за талию:

- Значит, это я судил по себе.

Гу Яньлин ответил:

- Конечно! Мое сердце целиком принадлежит тебе, я только о тебе и думаю. А то, что я два дня не мелькал перед глазами, так я был занят. А ты даже не искал меня - это по-настоящему ранит... Раз ты так поступаешь, мне кажется, что я тебе вовсе не нужен, а ищешь ты меня только ради того самого дела. Я эти два дня куска в горло затолкнуть не мог, спать не мог, на душе так тяжело было.

Говоря это, Гу Яньлин притворно закрыл лицо руками, изображая плач, и в какой-то момент даже сам почти поверил в свою глубокую обиду.

Сяо Синхань безжалостно разоблачил его:

- Вчера за ужином ты съел две полные чашки риса и полчашки супа, а сегодня в полдень выпил две чашки супа. Это ты называешь «куска в горло не мог проглотить»? Если бы у тебя действительно пропал аппетит, сколько бы ты съел?

Гу Яньлин не ожидал, что тот всё знает - видимо, расспрашивал прислугу, а значит, всё-таки беспокоится. Он фыркнул:

- Я просто заедал свою печаль едой.

Сяо Синхань бесцеремонно ущипнул его за щеку:

- Я еще знаю, что прошлой ночью во сне ты снова ругал меня.

Гу Яньлин возмутился:

- Вранье! Не думай, что раз я спал, то не узнаю, как ты меня оговариваешь. Ничего такого не было, я никогда не разговариваю во сне!

Сяо Синхань склонился и поцеловал его в губы. На этот раз поцелуй не был таким властным и напористым, в нем проскользнула нехарактерная для него нежность. Он целовал его медленно, от уголков губ до самой шеи.

- Чем ты надушился? Так вкусно пахнет.

Гу Яньлин, смущенный поцелуями, дерзко ответил:

- Это мой естественный запах, я ничем не душился, от природы так. Приятно пахнет?

Сяо Синхань развязал пояс его одеяния и с предельно серьезным видом произнес:

- Слишком слабый аромат, надо принюхаться получше.

Бесстыдник!!

Только что говорил, что пахнет вкусно, а теперь - слишком слабо. Он два дня менял мыло и окуривал одежду благовониями. Сяо Синхань не любил резкие специи, в его доме не было привычки окуривать комнаты, а Гу Яньлин обожал возиться с этим. До того как он попал в особняк Сяо Синханя, от него и его одежды всегда приятно пахло, а тут, как только выдалась свободная минутка, он, естественно, решил привести себя в порядок.

Он же говорил, что Сяо Синхань только притворяется благородным.

Белым днем, прямо в кабинете, обнимает его и ласкает!

Гу Яньлин сел на письменный стол, положив ноги на колени Сяо Синханю. Одежда наполовину сползла, едва держась на лодыжках. Он фыркнул:

- Господин, что ты говорил раньше? Разве ты не утверждал, что не любишь ароматы?

Сяо Синхань, медленно поглаживая его ступни, ответил:

- Твой запах мне очень по душе. Надеюсь, ты не подмешал туда какое-нибудь лекарство?

Гу Яньлин, уловив в его словах явную насмешку, с досадой пнул его:

- Сам озабоченный, а винишь меня!

Стоило ему это сказать, как Сяо Синхань решил на деле показать ему, что значит быть по-настоящему озабоченным.

<http://bllate.org/book/17939/1720393>